

Логические основания формально-догматического метода

М. О. Акишин

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье проводится исследование логических оснований разработки формально-догматического метода. Констатируется, что проблема применимости логики к изучению права вызывала дискуссии уже в Античности, которые продолжаются до современности. Основоположник юридического позитивизма Дж. Остин приступил к разработке догмы позитивного права, а также формально-догматического метода на основе незавершенного учения о логике воли И. Бентама. Важнейший вклад в исследование формально-догматического метода внес Г. Ф. Шершеневич. Он предложил применять полную индукцию при изучении норм права и, используя этот метод, провел классификацию правовых явлений и выработку понятий общей теории права. Г. Кельзен дополнил формально-догматический метод обратной дедукцией. Только в середине XX в. проблема применимости логики к нормативным высказываниям была решена Г. Х. фон Вригтом, создателем деонтической логики. Исследования Г. Х. фон Вригта оказали влияние на развитие формально-догматического метода в трудах Г. Л. А. Харта.

Ключевые слова: формальная логика, деонтическая логика, формально-догматический метод.

Для цитирования: Акишин М. О. Логические основания формально-догматического метода // Ленинградский юридический журнал. – 2023. – № 4 (74). – С. 8–26. DOI: 10.35231/18136230_2023_4_8. EDN: QYQATA

Original article
UDC 340
EDN: QYQATA
DOI: 10.35231/18136230_2023_4_8

The Logical Foundations of the Formal Dogmatic Method

Michael O. Akishin

Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

The article examines the logical foundations for the development of a formal dogmatic method. It is stated that the problem of the applicability of logic to the study of law caused discussions already in Antiquity, which lasted for thousands of years. The founder of legal positivism, J. Austin began to develop the dogma of positive law and the development of a formal dogmatic method based on the unfinished doctrine of the logic of will by I. Bentham. The most important contribution to the development of the formal dogmatic method was made by G. F. Shershenevich, having proposed the use of full induction in the study of legal norms and using this method, carried out the classification of legal phenomena and the development of concepts of the general theory of law. G. Kelsen supplemented the formal dogmatic method with reverse deduction. It was only in the middle of the 20th century that the problem of the applicability of logic to normative statements was solved by G. H. von Wright, the creator of deontic logic. The research of G. H. von Wright influenced the development of the formal dogmatic method in the writings of G. L. A. Hart.

Key words: formal logic, deontic logic, formal dogmatic method.

For citation: Akishin, M. O. (2023) Logicheskie osnovaniya formal'no-dogmaticheskogo metoda [The Logical Foundations of the Formal Dogmatic Method]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 4 (74). Pp. 8–26. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2023_4_8. EDN: QYQATA

Введение

Формально-догматический метод разработан в рамках позитивистского типа правопонимания для изучения позитивного права и установления догмы права (др.-греч. *δόγμα* – мнение, учение, решение), т. е. общепризнанных положений о позитивном праве и его реализации в социальных отношениях. Формально-догматический метод также называют формально-логическим. Ряд правоведов рассматривают его как совокупность логических процедур. Так, В. В. Лазарев писал, что в этом методе «на первый план выделяются ... чисто логические, языковые и иные абстрактные стороны, выражающие структурные закономерности права» [1, с. 57]. Т. В. Кашанина отрицает какую-либо особенность этого метода, поскольку он «заключает в себе сочетание многих традиционных логических приемов и способов» [5, с. 32]. Эта позиция соответствует теории логиков М. Коэна и Э. Нагеля, которые доказывают, что метод любой науки, и точной, и естественной, и социально-гуманитарной, «...заключается в настойчивом применении логики как общей характеристики любого обоснованного знания» [9, с. 224].

Однако этих констатаций недостаточно. Во-первых, на протяжении всей истории логики существует проблема возможности ее применения для изучения нормативных высказываний. Во-вторых, формально-догматический метод является средством познания обширной сферы человеческого бытия – позитивного права. В рамках этого объекта выделение отдельных предметов исследования требует как учета его особенностей при применении формально-догматического метода, так и совершенствования самого метода. Целью настоящей статьи является исследование проблемы применимости логики для изучения нормативных высказываний и логической основы разработки формально-

догматического метода в трудах Г. Ф. Шершеневича, Г. Кельзена и Г. Л. А. Харта.

Проблема применимости логики для изучения нормативных высказываний

Первые сомнения в возможности использования категорического силлогизма в политико-правовых исследованиях высказал сам создатель формальной логики Аристотель. Он считал, что в сфере политики и права применяются практические рассуждения, почему в этих сферах возможно применение только практического силлогизма, который является делом рассудка, а не разума, так как в науке о государстве «...заключено столько разного и расплывчатого, что начинает казаться будто [все это] возможно только условно, а от природы этого нет» [2, с. 55].

Юристами Древнего Рима это положение Аристотеля было преодолено путем указания на то, что право является сакральным явлением. Для обозначения права использовался термин «*fas*» (лат. «высший закон»). Происхождение термина «*justitia*» связано с именем римской богини права и справедливости Юстиции. Иначе говоря, римские юристы исходили из положения о том, что правовое предписание (высказывание) – это плод не человеческого рассудка, но божественного разума.

В Средние века эта проблема решалась схоластами, которые основной путь постижения Бога видели в логически последовательном выведении из догматов христианства знаний об устройстве реально существующего мира. На этой основе в XI в. Ансельм Кентерберийский стал изучать юридические операторы «допустимо», «обязательно», «запрещено» и «безразлично». Начиная с XIV в. средневековые философы доказывали, что исследование нормативных понятий с применением формальной логики возможно [8, с. 142–156].

Научная революция XVII в. привела к секуляризации научного познания. Д. Юм поддержал положение Аристотеля о неприменимости категорического силлогизма к политике и праву. Он доказывал, что нормы как высказывания о должном не могут оцениваться с точки зрения действительности, т. е. нормы не могут иметь истинностного значения [4, с. 291].

Первая попытка опровержения этого утверждения с позиций светской философии принадлежит немецкому логичу, представителю классической школы естественного права Г. В. Лейбницу (1646–1716). На основе принципов силлогистики Аристотеля он сформулировал несколько законов алетических и правовых модальностей. Во-первых, он заложил основы математической логики, перейдя к логике понятий (алгебре понятий). Во-вторых, логике понятий он трансформировал в принципы модальностей высказываний. В-третьих, обнаружил, что логические отношения между юридическими операторами «обязательно», «разрешено» и «запрещено» совпадают с отношениями между алетическими операторами «необходимо», «возможно» и «невозможно». На этой основе Г. В. Лейбниц пришел к выводу: «Все, следовательно, подчинения, транспозиции и оппозиции модальностей, продемонстрированные Аристотелем и другими в логиках, могут быть не без пользы перенесены на эти наши модальности права» [12, с. 36].

Логика и становление юридического позитивизма

Кризис школы естественного права в начале XIX в. вновь породил проблему применимости логики к нормам права. Важный вклад в ее решение внес британский философ И. Бентам (1748–1832). Он заявил о намерении сделать мораль и право столь же строгими и точными, как и физические науки: «Существует, или вернее, должна быть логика воли, а также логика понимания... Из двух

частей этого малодоступного искусства Аристотель видел только последнюю... Тем не менее ... выбор должен быть сделан в пользу логики воли. Наиболее важное применение эта логика воли находит в науке права, рассматриваемого в связи с его формой» [3, с. 9].

Логика воли, по мнению Бентама, основывалась на субъектно-зависимом должествовании. Она изучает то, что заставляет человека действовать. Будучи основоположником утилитаризма, Бентам давал следующее определение хорошему действию: «Таковым может быть названо согласующееся с принципом полезности, или, короче говоря, с полезностью (для общества в целом), если оно способствует приращению счастья больше, чем его уменьшению» [3, с. 6].

В государственно-организованном обществе побудить людей действовать для общей пользы может только правитель на основе законов. Изучая нормы, определяющие действия людей, И. Бентам впервые высказал мысль о разграничении высказываний на прескриптивные (лат. *praescriptum* – предписание) и дескриптивные (анг. *descriptive* – описательный). Воля правителя может стать законом лишь при наличии санкции.

Несмотря на то что Бентам сформулировал только общие положения логики воли, не успев создать систематического труда, его учение стало основой становления и развития юридического позитивизма. Дж. Остин (1790–1859), основоположник юридического позитивизма, заявляя, что задача юриспруденции заключается в разработке правовой теории при помощи «логики правовых конструкций», ссылаясь на учение И. Бентама [1, с. 400]. Согласно Дж. Остину, право в широком смысле определялось «...как правила, предназначенные для управления поведением одного разумного человека со стороны другого разумного человека, обладающего властью над

первым», почему «предмет юриспруденции составляет позитивное право, ...устанавливаемое политически господствующим для политически подчиненного» и определял ее задачу как разработку догмы права на основе «логики правовых конструкций» [1, с. 400].

Незавершенность логического учения И. Бентама вызвала новую дискуссию о применимости логики к изучению права. Попытку создать систематическое логическое учение на основе логики воли И. Бентама предпринял в 1926 г. австрийский философ Эрнст Малли (1879–1944). Свою логику он назвал «Деонтика» (нем. Deontik; от греч. δέον – долг и логика; логика норм, нормативная логика). Его деонтическая система строится на основе агентно-зависимой нормативности и состоит из пяти постулатов и 35 теорем. Ряд теорем сам Малли назвал «странным», объяснив это тем, что в них выражены логические особенности долженствования. Это стало одной из основ критики его логической системы и продолжения дискуссии о применимости логики к изучению права¹.

Формально-догматический метод в трудах Г. Ф. Шершеневича

Важный вклад в разработку формально-догматического метода внес русский юрист Г. Ф. Шершеневич (1863–1912). Будучи известным специалистом в сфере гражданского права и став депутатом 1-й Государственной думы, он участвовал в подготовке и обсуждении проекта Гражданского уложения. Формально-догматический метод он разрабатывал в целях не только формулирования доктрины права, но и кодификации гражданского права. Решая эти задачи, Г. Ф. Шершеневич использовал в качестве средства исследования научную индукцию.

¹ Глинчикова А. В. «Деонтика» Эрнста Малли и становление логики норм в середине XX века: дис. ... канд. филос. наук. Санкт-Петербург, 2014. 190 с.

Г. Ф. Шершеневич доказывал, что правовые нормы аналогичны аксиомам, являются исходным моментом для заключений. По его мнению, догматический метод «...заключается в систематическом изложении норм права, действующих в данное время в известной стране». Применение догматического метода – это процесс, который «...состоит в описании, обобщении, классификации норм, а также в составлении юридических определений» [14, с. 664].

На первой стадии (описание) необходимо выявить все формы выражения права, отделив действующие в данный момент нормы права от утративших силу. Таким образом, Г. Ф. Шершеневич исходил из необходимости их полного выявления, т. е. разрабатываемый им догматический метод основывается на полной индукции, которая позволяет установить истинное знание. К первой стадии он относил «...не только собирание норм, но и разъяснение их смысла» [14, с. 665].

Вторая стадия – обобщение: «Опуская постепенно все особенные признаки ряда анализируемых норм и выделяя сходный элемент, мы получим общий им признак в изолированном виде (генерализация)». Г. Ф. Шершеневич доказывал, что «...таким приемом, подобным вынесению за скобки общего множителя, не создается новая норма, а только выделяется общее ряду норм, однообразно в них повторяющееся правило». Обобщение ведет к установлению юридических принципов [14, с. 665–666].

Третья стадия – формулирование юридических определений. Четвертая, высшая стадия – классификация норм права на основе собранного, истолкованного, обобщенного и соединенного в определения нормативного материала. На этой стадии формулируется доктринальное понимание системы права. Именно научная система права, по мнению Г. Ф. Шершеневича, «...сразу

и наглядно обнаруживает все технические недостатки положительного права – его пробелы, противоречия, повторения». Кроме того, догматика дает «в систематическом виде изображение правовой действительности». Отсюда Г. Ф. Шершеневич приходит к заключению о теоретическом, научном характере догматики права и безуспешности попыток представить ее только прикладной наукой [14, с. 672, 677, 678].

Формально-догматический метод в трудах Г. Кельзена

Новую интерпретацию формально-догматического метода предложил австрийский юрист Г. Кельзен (1881–1973), создатель «чистого учения права», положившего начало новому этапу развития юридического позитивизма – нормативизму. Он был специалистом в сферах конституционного и международного права, автором проекта Конституции Австрийской Республики 1920 г., которой был впервые введен орган конституционной юстиции – Конституционный суд. После принятия Конституции Г. Кельзен стал председателем Конституционного суда. Эта научная, правотворческая и правоприменительная деятельность оказала влияние на разработку им формально-догматического метода.

Методология чистого учения о праве Г. Кельзена основывается на философских принципах логики «чистого познания» (трансцендентальной логики), сформулированных основателем Марбургской школы неокантианства Г. Когеном. Последний утверждал, что «чистое мышление в себе самом должно производить исключительно чистое познание. Поэтому учение о мышлении должно стать учением о познании» [13, с. 117]. Согласно другому положению философии Г. Когена, «любое чистое познание должно быть вариацией принципа первоначала.

Иначе оно не имело бы ни самостоятельной, ни чистой ценности... Так логика первоначала становится логикой чистого познания» [13, с. 123–124].

Г. Кельзен доказывал, что «юридическая наука полностью должна отказаться от изучения права в его социально-экономической обусловленности, от политических, нравственных, исторических и иных „метаюридических“ целей и оценок права. А изучать его в „чистом“ виде, только собственно правовую форму» [10, с. 429–431]. По его мнению, правовое значение фактическим обстоятельствам придает правовая норма: «норма функционирует в качестве схемы истолкования. Она порождается через правовой акт, а этот акт, в свою очередь, получает свое значение от другой нормы» [7, с. 117].

Учение о сущности позитивного права было дополнено Г. Кельзеном концепцией о логической иерархии правовых норм, составляющих единую систему, которые в процессе их применения выступают основанием для признания правомерности конкретных действий. По мнению Г. Кельзена, система норм права исходит из «основной нормы», которая выступает как трансцендентально-логическая категория. Он писал: «Основная норма – это общий источник действительности всех норм, принадлежащих к одному порядку, их общее основание действительности... Именно основная норма конституирует единство некоего множества норм, так как она представляет собой основание действительности всех норм, принадлежащих к этому порядку» [7, с. 242].

Положение о логической иерархии правовых норм по юридической силе, основанием которой является «основная норма», позволило Г. Кельзену применять к этой системе обратную дедукцию. Согласно его учению, несоответствие индивидуального предписания (правового акта) или нормы норме более высокой

юридической силы служило основанием для признания их неправовыми.

Деонтическая логика Г. Х. фон Вригта

В 1930-х гг. вновь обострилась дискуссия о применимости логики к праву. Как отмечал финский философ и логик Г. Х. фон Вригт (1916–2003), в эти годы «...представители логического позитивизма ... относили нормативные рассуждения к “атеоретическим”, а иногда даже говорилось, что они “бессмысленны”» [4, с. 291]. В дискуссии с логическими позитивистами Г. Х. фон Вригт, обосновывая применимость логики к нормативным суждениям, стал создателем деонтической логики, в которой устанавливаются правила построения умозаключений с использованием модальностей морали, права и иных нормативных регуляторов.

В воззрениях своих предшественников Г. Х. фон Вригт выделил два направления – «линию Лейбница» и «линию Бентама – Мали». В начале своих исследований он основывался на «линии Лейбница». Но, рассматривая положение Г. В. Лейбница о тождественности алетических и деонтических модальностей, Г. Х. фон Вригт пришел к выводу только об их аналогии, частичном соответствии.

Чтобы преодолеть несостоятельность логики Г. В. Лейбница, Г. Х. фон Вригт обратился к трудам И. Бентама и Э. Малли. Это позволило ему представить деонтические операторы как *действия над пропозициями, в результате которых выходят также пропозиции*. Однако, сделав это заключение, он обратил внимание на положение формальной логики о том, что свойство «быть действительным» не влечет свойства «быть необходимым» [4, с. 291]. Следовательно, нормы как высказывания о необходимом не могут оцениваться с точки зрения действительности, т. е. нормы не могут иметь истинностного значения.

Решая эту проблему, Г. Х. фон Вригт провел различие между нормами, нормами-формулировками и нормами-высказываниями. Он предложил прескриптивную и дескриптивную интерпретацию обозначений норм-формулировок. Прескриптивный (предписательный) аспект используется для изложения сути нормы или правила поведения, дескриптивный (описательный) – для установления факта существования нормы. Г. Х. фон Вригт доказывал, что деонтическая логика является логикой дескриптивно понимаемых норм-формулировок, к которым возможно применение истинностных связей, понятий следования, непротиворечивости и противоречия. Позднее он пришел к выводу о том, что при прескриптивном понимании деонтические формулы невозможно оценивать с точки зрения их истинности или ложности.

На основе «линии Бентама и Малли» Г. Х. фон Вригт разработал логику действия, в которой содержанием норм служили действия [4, с. 290–411]. Он доказывал, что достижение определенного положения дел может быть результатом одного из двух видов действий: продуктивного и сохраняющего. Действие, противоположное продуктивному действию, он называет деструктивным, а противоположное сохраняющему – подавляющим. Каждому из этих четырех видов действия соответствуют четыре вида воздержания от них. Эти восемь случаев Г. Х. фон Вригт назвал атомарными (элементарными) видами выполнения действия. При любом конкретном событии действующее лицо (субъект нормы) либо выполняет действие, либо воздерживается от него, т. е. имеет свободу выбора своего поведения.

Таким образом, Г. Х. фон Вригту удалось доказать, что высказывания деонтической логики относятся к модальным суждениям, которые в отличие от атрибутивных воззрений не могут быть охарактеризованы как

истинные или ложные. Деонтическая логика устанавливает правила построения умозаключений с использованием модальностей морали, права и иных нормативных регуляторов социального взаимодействия, формулирует критерии рационального рассуждения в области норм с целью предоставления разумных оснований для действия.

Формально-догматический метод в трудах Г. Л. А. Харта

Формально-догматический метод на основе деонтической логики Г. Х. фон Вригта получил развитие в аналитической философии права английского правоведа Г. Л. А. Харта (1907–1992), который исходил из положения о том, что «наиболее важной общей чертой права ... являлось то, что ... определенные типы человеческого поведения более не являются произвольными, но в некотором смысле обязательными» [15, с. 15].

Нормы права Г. Л. А. Харт разграничивал на «общие» (первичные) и «специальные» (вторичные). Общие права и обязанности возникают в рамках правоотношений, они «...предписывают делать что-либо или воздерживаться от определенных действий вне зависимости от желания». Специальные нормы позволяют, во-первых, ввести новые нормы первого типа; во-вторых, удалить или изменить их; в-третьих, изменить сферу их применимости и установить контроль над их исполнением. Таким образом, «...правила второго дают власть, публичную или частную» [15, с. 87].

Вторичные нормы необходимы для исправления первого дефекта первичных норм – их неопределенности – путем введения «правила признания». Второй дефект первичных норм – их статичность – исправляется введением «правила изменения», которое дает власть одному лицу или группе лиц вводить новые первичные правила

и отменять старые регламенты. Это правомочие осуществляет законодательный орган [15, с. 100]. Третий дефект исправляется, предоставляя «отдельным лицам право давать авторитетный ответ на вопрос о том, нарушено ли в данном конкретном случае определенное первичное правило или нет. В вынесении такого определения состоит минимальная функция суда» [15, с. 101–102].

Будучи сторонником аналитической философии Л. Витгенштейна, Г. Л. А. Харт осуществляет «лингвистический поворот» в философии права. Природу правовых высказываний он осмыслял в контексте их лингвистического содержания. Г. Л. А. Харт утверждал, что анализ человеческого поведения в правовой сфере осуществляется с помощью аскриптивных (от англ. ascribe – приписывать, привлекать) высказываний, которые выражают юридические акты, возлагают ответственность за действия и в широком смысле приписывают юридическое значение эмпирическим фактам.

При анализе судебной деятельности Г. Л. А. Харт вслед за Г. Х. фон Вриггом указывает на невозможность применения к юридическим суждениям проверки на «истинность» или «ложность». Суд приписывает эмпирическим фактам аскриптивную форму, после чего они становятся юридическими фактами. Далее юридические факты воплощаются в структуре правовых норм и являются основаниями возникновения, изменения или прекращения правовых отношений.

Исследования юридического языка привели Г. Л. А. Харта к выводу о том, что правовые понятия характеризуются неопределенностью и отменяемостью. Он утверждал, что правовые понятия не просто наделены некоторой неопределенностью значения. Им присуще «ядро» и «полутень» значения, т. е. набор как очевидных, центральных, так и неясных, пограничных, маргинальных случаев

употребления. Это придает всем правилам пограничную зону неясности или «открытой структуры».

Учения о «первичных» и «вторичных» нормах, лингвистический поворот были необходимы для решения проблемы определенности в праве. Г. Л. А. Харт отмечал, что «сформулированные словами общие правила» могут отличаться неопределенностью. Правовая определенность общего правила возможна «...лишь в хорошо знакомых и постоянно происходящих в сходных контекстах ситуациях, когда существует общее согласие в суждении относительно применимости классифицирующих терминов». Однако существуют большие сферы неопределенности в праве, связанные с неопределенностью языка закона, «относительным незнанием фактов», «относительной неопределенностью касательно цели». Из этого Г. Л. А. Харт делал вывод, что право имеет открытую структуру [15, с. 130–132].

Однако затем Г. Л. А. Харт замечает, что широкие области поведения успешно контролируются правилом, требующим конкретных действий, а открытая структура – это только пограничные области ядра правила. Открытая структура правила, по мнению Г. Л. А. Харта, характеризуется следующим: «В любой правовой системе большая и важная область остается открытой для проявления усмотрения судами и другими должностными лицами в приведении исходно неясных стандартов в состояние определенности, в разрешении неопределенностей статутов или в развитии и квалифицировании правил, лишь приблизительно сообщенных авторитетными прецедентами» [15, с. 139].

Особое внимание Г. Л. А. Харт уделяет теории правового реализма, согласно которой решение верховного суда является окончательным, что не исключает его ошибочности и следующему из этого выводу: «Право (или кон-

ституция) – это то, что суды называют таковыми». Критикуя эту теорию, он пишет: «Открытая структура закона предоставляет судам законотворческую власть... Тем не менее, все еще остается различие между конституцией, которая, после учреждения системы судов, обеспечивает, что законом будет то, что верховный суд считает таковым, – и реальной ... конституцией любого современного государства... В любой данный момент судьи, даже относящиеся к верховному суду, являются частью системы, правила которой достаточно определены в ее центральной части, для того чтобы обеспечить образцы корректных судебных решений» [15, с. 145, 148].

Заключение

Проблема применимости логики к изучению права вызывала дискуссии уже в Античности и продолжается до современности. Основоположник юридического позитивизма Дж. Остин приступил к разработке догмы позитивного права, а также формально-догматического метода на основе незавершенного учения о логике воли И. Бенгема. Важнейший вклад в исследование формально-догматического метода внес Г.Ф. Шершеневич, применив научную индукцию при обработке и изучении нормативного материала, с помощью которой были определены понятия общей теории права и проведена классификация правовых явлений, сформулирован подход к кодификации гражданского права. Г. Кельзен дополнил формально-догматический метод обратной дедукцией, которая успешно используется в конституционной юстиции.

Только в середине XX в. проблема применимости логики к нормативным высказываниям была решена Г. Х. фон Вригтом, создателем деонтической логики – нового направления неклассической (модальной) логики,

которое исследует языковые структуры нормативных понятий, высказываний и действий, позволяет применять категорический силлогизм Аристотеля в правоприменении. Исследования Г. Х. фон Вригта оказали влияние на развитие формально-догматического метода в трудах Г. Л. А. Харта. Основываясь на деонтической логике, Г. Л. А. Харт внес важный вклад в решение проблемы определенности позитивного права и правоприменения, разработав учение о первичных и вторичных правилах и осуществив лингвистический поворот в правоведении.

Список литературы

1. Антология мировой правовой мысли: в 5 т. – Т. III. Европа. Америка: XVII–XX вв. / под. ред. Г. Ю. Семигина. – М.: Мысль, 1999. – 829 с.
2. Аристотель. Сочинения: в 4 т. – Т. 4. – М.: Мысль, 1983. – 830 с.
3. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. – М.: РОССПЭН, 1998. – 415 с.
4. Вригт Г.Х. фон. Логико-философские исследования: избранные труды. – М.: Прогресс, 1986. – 600 с.
5. Кашанина Т. В. Юридическая техника. – М.: Эксмо, 2007. – 510 с.
6. Кельзен Г. Право, государство и справедливость в чистом учении о праве // Известия вузов. Правоведение. – 2013. – № 2. – С. 226–240.
7. Кельзен Г. Чистое учение о праве: монография. – 2-е изд. – СПб.: Алеф-Пресс, 2015. – 542 с.
8. Кнууттила С. Деонтическая логика в четырнадцатом столетии // Модальные и интенциональные логики и их применение к проблемам методологии науки / ред. В. А. Смирнов. – М.: Прогресс, 1984. – С. 142–156.
9. Коэн М., Нагель Э. Введение в логику и научный метод. – М.; Челябинск: Социум, 2022. – 519 с.
10. Краевский А. А. Чистое учение о праве Ганса Кельзена в ранний американский период // Российский ежегодник теории права. – 2009. – № 2. – С. 429–431.
11. Лазарев В. В. Пробелы в праве и пути их устранения: монография. – М.: Юрид. лит., 1974. – 184 с.
12. Лобовиков В. О. Аристотель и Г. В. Лейбниц о модальностях // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. Вып. 7. – Екатеринбург, 2007. – С. 35–60.
13. Пома А. Критическая философия Германа Когена. – М.: Академический проспект, 2012. – 319 с.
14. Шершеневич Г. Ф. Избранное: в 6 т. – Т. 4. – М.: Статут, 2016. – 752 с.
15. Харт Г. Л. А. Понятие права. – СПб.: СПбГУ, 2007. – 304 с.

References

1. Semigin, G. Ju. (1999) (ed.) *Antologija mirovoj pravovoj mysli* [Anthology of world legal thought]. In 5 vols. Vol. III Europe. America: XVII–XX vv. Moscow: Mysl' (In Russian).
2. Aristotel' (1983) *Sochinenija* [Essays]. In 4th vols. Vol. 4. Moscow: Mysl' (In Russian).
3. Bentam, I. (1998) *Vvedenie v osnovanija npravstvennosti i zakonodatel'stva* [Introduction to the foundations of morality and legislation]. Moscow: ROSSPJeN. (In Russian).
4. Vrigt, fon. G. X. (1986) *Logiko-filosofskie issledovanija: izbrannye trudy* [Logical and philosophical research: selected works]. Moscow: Progress. (In Russian).
5. Kashanina, T. V. (2007) *Juridicheskaja tehnik*a [Legal technique]. Moscow: Jeksmo. (In Russian).
6. Kel'zen, G. (2013) Pravo, gosudarstvo i spravedlivost' v chistom uchenii o prave [Law, state and justice in the pure doctrine of law]. *Izvestija vuzov. Pravovedenie – News of universities. Legal studies*. No. 2. Pp. 226–240. (In Russian).
7. Kel'zen, G. (2015) *Chistoe uchenie o prave: monografija* [Pure doctrine of law. Monograph]. 2nd ed. Saint Petersburg: Alef-Press. (In Russian).
8. Knuutila, S. (1984) Deonticheskaja logika v chetyrnadcatom stoletii [Deontic logic in the fourteenth century]. *Modal'nye i intensional'nye logiki i ih primenenie k problemam metodologii nauki* [Modal and intensional logics and their application to problems of methodology of science]. Ed. V. A. Smirnov. Moscow: Progress. Pp. 142–156. (In Russian).
9. Kojen, M., Nagel', Je. (2022) *Vvedenie v logiku i nauchnyj metod* [An introduction to logic and the scientific method]. Moscow; Cheljabinsk: Socium. (In Russian).
10. Kraevskij, A. A. (2009) Chistoe uchenie o prave Gansa Kel'zena v rannij amerikanskij period [The pure doctrine of law by Hans Kelsen in the early American period]. *Rossijskij ezhegodnik teorii prava – Russian Yearbook of the Theory of Law*. Saint Petersburg. No. 2. Pp. 429–431. (In Russian).
11. Lazarev, V. V. (1974) *Probely v prave i puti ih ustraneniya: monografija* [Gaps in law and ways to eliminate them. Monograph]. Moscow: Jurid. lit. (In Russian).
12. Lobovikov, V. O. (2007) Aristotel' i G. V. Lejbnic o modal'nostjah [Aristotle and G. V. Leibniz on modalities]. *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN* [Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences]. Issue. 7. Ekaterinburg. Pp. 35–60. (In Russian).
13. Poma, A. (2012) *Kriticheskaja filosofija Germana Kogena* [The critical philosophy of Herman Cohen]. Moscow: Akademicheskij prospect. (In Russian).
14. Shershenevich, G. F. (2016) *Izbrannoe: v 6 t* [Selected works. In 6 volumes]. Vol. 4. Moscow: Statut. (In Russian).
15. Hart, G. L. A. (2007) *Ponjatje prava* [The concept of law]. Saint Petersburg: St. Petersburg University. (In Russian).

Об авторе

Акишин Михаил Олегович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-7363-4069, e-mail: Akishin-MO@yandex.ru

About the author

Michael O. Akishin, Dr. Sci. (Hist.), Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0002-7363-4069, e-mail: Akishin-MO@yandex.ru

*Поступила в редакцию: 30.11.2023
Принята к публикации: 04.12.2023
Опубликована: 30.12.2023*

*Received: 30 November 2023
Accepted: 04 December 2023
Published: 30 December 2023*